

Научная статья

УДК 316

DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-104-112

ГЕНЕЗИС ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЮРОКРАТИИ В КОНЦЕПЦИЯХ ЛЕНИНИЗМА И ВЕБЕРИАНСТВА

Игорь Николаевич Макаров

*Российская академия кадрового обеспечения агропромышленного комплекса,
Москва, Россия*

makarov_i_n@mail.ru, AuthorID РИНЦ: 1111155, SPIN-код: 1434-5425

Аннотация. *Цель исследования:* выявление генезиса, основных направлений эволюции, социальной роли, состава, интересов и деятельности государственной бюрократии, представленных в работах В. И. Ленина и М. Вебера.

Методологическую основу исследования составил историко-социологический анализ ленинской и веберовской концепций феномена бюрократии как административно-управленческой группы общества с позиций социолого-управленческого подхода. Использованы элементы монографического и типологического методов.

Результаты исследования. Сравнительный теоретический анализ текстов первоисточников и критических статей в целом позволил дать самостоятельную авторскую трактовку особенностей исследований и принципиальных различий в характеристиках бюрократических моделей и практик в трудах Ленина и Вебера. Кроме того, исследование богатой источниковедческой базы предоставило возможность сформировать корректное представление о социологических взглядах Ленина, впервые четко разграничить три этапа эволюции его идей о бюрократии как социальном феномене. Автор приходит к выводу, что современный социологический дискурс сформировался не в последнюю очередь благодаря полемике между двумя ведущими социологическими школами — марксистской и веберовской.

Перспективы исследования. Проблема генезиса государственной бюрократии как историко-социального феномена в контексте альтернативных социолого-управленческих концепций конца XIX — начала XX веков все еще недостаточно исследована. Перспектива дальнейшего развития отечественной социологии управления, с точки зрения автора, неразрывно связана с теоретическим их осмыслением.

Ключевые слова: государственная бюрократия, российское чиновничество, социолого-управленческая концепция, марксизм, ленинизм, веберовство

Для цитирования: Макаров И. Н. Генезис историко-социального феномена государственной бюрократии в концепциях ленинизма и веберовства // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 104–112. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-104-112>.

Original article

THE GENESIS OF THE HISTORICAL AND SOCIAL PHENOMENON OF STATE BUREAUCRACY IN THE CONCEPTS OF LENINISM AND WEBERIANISM

Igor N. Makarov

*Russian Academy of Personnel Support of the Agro-industrial Complex, Moscow, Russia
makarov_i_n@mail.ru, AuthorID RSCI: 1111155, SPIN: 1434-5425*

Annotation. *The purpose of the study:* identification of the genesis, main directions of evolution, social role, composition, interests and activities of the state bureaucracy, presented in the works of V.I. Lenin and M. Weber.

The methodological basis of the study was the historical and sociological analysis of the Leninist and Weberian concepts of the phenomenon of bureaucracy as an administrative and managerial group of society from the standpoint of the socio-managerial approach. Elements of monographic and typological methods are used.

The results of the study. A comparative theoretical analysis of the texts of primary sources and critical articles in general allowed us to give an independent author's interpretation of the features of research and fundamental differences in the characteristics of bureaucratic models and practices in the works of Lenin and Weber. In addition, the study of a rich source base provided an opportunity to form a correct idea of Lenin's sociological views, to clearly distinguish for the first time the three stages of the evolution of his ideas about bureaucracy as a social phenomenon. The author comes to the conclusion that the modern sociological discourse was formed not least due to the polemic between the two leading sociological schools — Marxist and Weberian.

Research prospects. *The problem of the genesis of state bureaucracy as a historical and social phenomenon in the context of alternative socio-managerial concepts of the late XIX — early XX centuries is still insufficiently investigated. The prospect of further development of the national sociology of management, from the author's point of view, is inextricably linked with their theoretical understanding.*

Keywords: *state bureaucracy, Russian officialdom, socio-managerial concept, Marxism, Leninism, Weberianism*

For citation: *Makarov I. N. The genesis of the historical and social phenomenon of state bureaucracy in the concepts of Leninism and Weberianism // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 104–112. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-104-112>.*

Введение. Исследование генезиса и эволюции, а также социальной роли, состава, интересов и деятельности бюрократии как административно-управленческой прослойки общества является одним из наиболее актуальных направлений современной социологии управления. Представляется плодотворной адаптация некоторых аспектов социолого-управленческих концепций, предложенных в работах крупнейших теоретиков

марксизма конца XIX — начала XX веков, к условиям и потребностям современного научного поиска.

В настоящей статье содержится попытка сравнительного анализа трактовок феномена бюрократии — одного из ключевых понятий социологии управления — в социальных теориях Владимира Ленина и Макса Вебера, наиболее ярких представителей конкурирующих и одновременно взаимодополняющих

социологических школ. Как точно отметил в данной связи Б.Ю. Кагарлицкий, «если Вебер всячески замалчивал влияние Маркса на свои труды, то марксисты платят ему той же монетой» [9, с. 80]. Именно поэтому мы полагаем, что рассмотрение проблем бюрократии и бюрократизации государственно-административного аппарата с марксистской точки зрения было бы неполным без учета тех сторон учения Вебера, которые оказали опосредованное влияние как на марксизм в целом, так и на научные разработки Ленина в частности. Более того, заочная полемика Ленина с Вебером сыграла, на наш взгляд, некоторую роль в формировании современной социолого-управленческой парадигматики.

Однако, если веберизанство общепризнано и по консолидированному мнению научного сообщества переживает в настоящее время своеобразный «ренессанс» [3], то адекватная оценка вклада В.И. Ленина в развитие отечественного и общемирового социологического знания представляется пока проблематичной. По-прежнему весьма распространены не только упрощение, но и прямая фальсификация его аутентичных взглядов. Типичным примером такого упрощения является следующее утверждение, допущенное Р.Г. Валиевым и И.Г. Горбачевым в фундаментальном исследовании «Бюрократия и бюрократизм (политико-правовые аспекты)»: «До революционных событий 1917 г. В.И. Ленин, как и К. Маркс, не проводил особого различия между бюрократией и буржуазным государством, рассматривая их орудиями классового господства буржуазии» [1, с. 34]. Более того, по их мнению, в основе марксистского понимания бюрократии и бюрократизма якобы «лежит противоположность классовых интересов бюрократии (или отдельных бюрократов) и трудящихся» [1, с. 27].

Напомним: в целом ряде своих работ сами основоположники учения — К. Маркс и Ф. Энгельс — развивали ту мысль, что государственную бюрократию вовсе не следует рассматривать в качестве отдельного общественного класса, поскольку как «проводник» воли властвующей элиты и социальный носитель исполнительно-распорядительных функций она в том или ином виде существует при всех антагонистических общественно-экономических формациях. Что же касает-

ся В.И. Ленина, то его идеи о бюрократии в процессе научной и общественно-политической деятельности претерпевали заметную эволюцию, которая обычно недооценивается или попросту упускается исследователями из виду. О ней и пойдет речь далее.

Результаты исследования. Одним из первых, кто обратился к рассматриваемой здесь проблеме, был Ю.Н. Давыдов. Однако по не вполне ясной причине он построил свой анализ исключительно на ленинских работах послеоктябрьского периода. Такое «выборочное» прочтение Ленина неизбежно приводит к некорректному умозаключению о том, что в основе его теории и практики якобы всегда «лежало представление о “временности” бюрократии, подлежащей немедленному устранению в ходе социалистической революции» [5, с. 55].

Между тем в становлении Ленина-социолога бюрократии можно выделить три этапа. Первоначальная его трактовка данного социального феномена дана в статьях «Экономическое содержание народничества» (1894) и «Задачи русских социал-демократов» (1897). В ходе их анализа нами установлено, что исходное ленинское представление о бюрократии совпадает с веберовским. Подобно Веберу, который считал повсеместное утверждение бюрократической организации, приходящей на место аграрной архаики, объективацией новых индустриально-капиталистических отношений, Ленин в тот период также полагал, что «всякая бюрократия и по своему историческому происхождению, и по своему современному источнику, и по своему назначению представляет из себя **чисто и исключительно** (выделено мной — И. М.) буржуазное учреждение» [11, т. 1, с. 440]. На то, что оба мыслителя приходили к идентичным выводам независимо друг от друга, указывает, в частности, лишь однократное упоминание о М. Вебере в полном собрании сочинений В.И. Ленина [11, т. 30, с. 324–325], хотя последнему даже в самых жестких дискуссиях с идейными оппонентами всегда была свойственна предельная научная добросовестность.

Выделяя второй этап в развитии ленинской концепции бюрократии, относящийся, с нашей точки зрения, к 1899–1917 годам, можно отметить, что он представляет собой

диалектическое отрицание прежнего вывода. Развертывание данного этапа происходило по мере интеллектуального проникновения Ленина в «социальную ткань» страны, накопления богатого эмпирического материала, его обобщения в таких работах, как «Развитие капитализма в России», «Капитализм в сельском хозяйстве», «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов», «Исторический смысл внутривластной борьбы в России», «О статистике стачек в России», «О социальной структуре власти, перспективах и ликвидации», «Язык цифр», набросках к брошюре «Статистика и социология» и ряде других.

В тот же исторический период рождается труд М. Вебера «Хозяйство и общество», в котором формулируется определение бюрократии, пополнившее «фонд» классики социологической мысли [2]. Все больше набирающая популярность веберовская концепция различала два исторически сложившихся типа бюрократии: традиционный («патримониальный»), основанный на персональной власти и ресурсах конкретного должностного лица, и модерный («рациональный») — обезличенный и базирующийся на мотивациях выгоды и материальной заинтересованности. Среди определяющих признаков, на основании которых Вебером создавался социальный тип современного «идеального бюрократа», назывались, прежде всего, «встроенность» в определенную иерархическую организационную структуру, наличие четко очерченного и «прозрачного» для общества круга обязанностей и прав, получение адекватного вознаграждения за службу, стремление к усовершенствованию методов управления, меритократические принципы подбора на управленческие должности. Веберу, помимо прочего, принадлежит и ключевая (в контексте его сопоставления с Лениным) мысль о том, что «современный чиновник постоянно и непременно в возрастающей степени профессионализируется и специализируется соответственно рациональной технике современной жизни» [5, с. 178].

Применение веберовской типологии к социальному исследованию российского «служилого сословия» царского времени весьма затруднительно. Неслучайно и Ленин в рассматриваемый период уже четко

отделяет западноевропейскую бюрократию от «всевластного, безответственного, подкупного, дикого, невежественного и туеядствующего русского чиновничества» [11, т. 2, с. 456]. И по своим количественным и качественным характеристикам, и по своей социально-исторической роли оно кардинально отличалось от прослойки госслужащих в экономически развитых странах. Согласно архивным материалам, опубликованным П. А. Зайончковским, если в 1796 году при населении империи в 36 млн. человек число чиновников составляло около 16 тыс. (один чиновник приходился на 2250 жителей), то в 1903 году чиновников было уже примерно 385 тыс., а населения — 129 млн. человек (один чиновник приходился на 335 человек) [8, с. 221]. Таким образом, приходим к выводу, что за век численность отечественной бюрократии увеличилась почти в семь раз. Соответствующими были и масштабы всякого рода служебных злоупотреблений — от банального взяточничества и казнокрадства до неприкрытой торговли государственными должностями и «доходными местами» в административном аппарате.

Отметим и другую тенденцию: начиная с реформ 1860-х годов существенно трансформируется не только численный, но и социальный состав государственно-административного аппарата самодержавной России. Через промышленную и банковскую деятельность и отчасти земство в управленческие структуры постепенно интегрируются представители самых разных «этажей» социально-сословной «лестницы». Но определяющего влияния на принятие управленческих решений чиновники данного типа не оказывали. По меткому замечанию Ленина, они «становятся рабски на государственную почву, не их классом созданную, и на этой почве “ходатайствуют” об интересах своего сословия, своей группы, своего слоя, не поднимаясь даже и тут до широкого понимания интересов всего класса» [11, т. 21, с. 295].

Проанализировав ряд современных исследований, акцентируем противоположную точку зрения. Н. Г. Чевтаева считает, что вовсе «не дворянство являлось основным двигателем бюрократической машины, оно составляло особое чиновничье “сословие” со своими навыками и бытом. Главным и наиболее

работоспособным элементом были дети канцеляристов и лиц духовного звания» [17, с. 91]. Однако в той же статье автор, по сути, дезавуирует свое же собственное утверждение следующим высказыванием царского премьер-министра П. А. Столыпина, основанным, надо полагать, на его личном богатом административном опыте: «Чиновники и землевладельцы — часто одни и те же лица. Сегодня он помещик, завтра — чиновник». К тому же «анализ имущественного положения чиновничества в начале XX века не дает прямых оснований для утверждения о буржуазном перерождении какой-то его части» [8, с. 223].

Еще одной типологической чертой дореволюционного административного аппарата было отсутствие в нем механизмов профессиональной «фильтрации», в частности необходимого образовательного ценза для чиновников. Экзамен на государственный чин все еще был необходим для производства лишь в самый низший, XIV класс «Табели о рангах». Как следствие, отмечал Н. П. Ерошкин, «в противоположность бюрократии западноевропейских капиталистических государств верхний слой российской ... бюрократии имел невысокий уровень управленческой специализации, которая явно отставала от установившейся еще с начала века более четко выраженной отраслевой специализации отдельных звеньев государственного аппарата» [7, с. 66].

Все отмеченное позволяло Ленину обобщить свой социологический анализ российского чиновничества начала XX века выводом о том, «получая мотивы для своей деятельности в значительной степени от верхов буржуазии, бюрократия дает чисто крепостническое, *исключительно* (выделено мной — И. М.) крепостническое направление и облик буржуазной деятельности» [11, т. 21, с. 57–58]. Следовательно, наряду с М. М. Ковалевским, Н. И. Кареевым, А. А. Исаевым, В. Н. Хвостовым и другими видными отечественными социологами первого десятилетия XX века В. И. Ленин приходит к выводу отнюдь не о «временном», вопреки утверждению Ю. Н. Давыдова, характере бюрократии, а, напротив, о глубочайшей укорененности бюрократической традиции в историческом развитии институтов российской власти. Но если для Вебера бюрократизация

государства имеет в большей степени рационально-правовую природу, то для Ленина это социальная патология, своего рода «наследственное заболевание» государственного аппарата управления. Во всяком случае, и сам он, и другие представители русского марксизма, в частности М. С. Ольминский [13], неоднократно показывали, что бюрократическую систему управления не стоит увязывать лишь с наступившей капиталистической эпохой.

В ходе проведенного исследования нами очерчен третий и главный этап эволюции теоретических воззрений В. И. Ленина на бюрократию, охватывающий 1918–1923 годы. Он знаменует собой своего рода синтез выработанных ранее идей. Решающее влияние на его формирование, безусловно, оказал опыт Октябрьской революции 1917 года и последующего советского строительства. Поначалу Ленин декларирует и практически реализует программные установки К. Маркса и Ф. Энгельса не просто о сломе существующей «бюрократической машины», но и об упразднении бюрократического администрирования как специализированной профессиональной деятельности привилегированного меньшинства населения вообще. Но вскоре признает, что социальному авангарду страны неизбежно придется осваивать передовые методы управления, так или иначе предполагающие осуществление бюрократических процедур, но уже в их «рационализированном» (по терминологии М. Вебера) виде. Поэтому он весьма нетривиальным образом увязывает некоторые популярные на Западе идеи «отца научного управления» Ф. Тэйлора с марксистским видением по-новому организованного государственного аппарата.

Вместе с тем, проведя критический обзор корпуса ленинских текстов постреволюционных лет, приходим к следующим результатам.

1. Если в период «военного коммунизма» Ленин считает, что «в России уже вполне разрушены твердыни бюрократизма» [11, т. 38, с. 93], то уже в 1922 году он констатирует, что государственный аппарат «заимствован нами от царизма и только чуть-чуть подмазан советским миром» [11, т. 45, с. 357]. Данный итог довольно ярко иллюстрируют данные П. А. Сорокина: на 130 млн. граждан в то время приходилось 35 млн. служащих, или 27% всего населения страны [15].

2. По своему социальному составу ранне-советский аппарат управления представлял собой уже качественно иной феномен, что позволяет говорить о кардинальном изменении всей административной среды. При том, что высшие звенья управленческой вертикали составляло все еще довольно значительное количество прежних чиновников, низовые уровни госаппарата вбирали в себя в основном выходцев из крестьянства — самого многочисленного социального класса России. По состоянию на конец 1923 года в исполкомах (исполнительно-распорядительных органах государственной власти) волостных советов РСФСР числились 7,1% рабочих, 13,6% служащих и 79,3% крестьян [10].

3. У Ленина обнаруживаются основы социологического анализа стремительно формирующейся советской номенклатуры. Он вовсе не исключает возможности социально-экономического, а затем и политического реванша «того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ» [11, т. 45, с. 357].

Новейшая политическая история России служит наглядным подтверждением обоснованности такого допущения. Ее кризисное течение находит свое объяснение в подмеченной Лениным еще в самом начале XX столетия тенденции — двойственном положении многомиллионного крестьянства: «обнаруживается внутренне противоречивое классовое строение этой массы, ее мелкобуржуазность, антагонизм хозяйских и пролетарских тенденций внутри нее» [11, т. 3, с. 13–14]. Несомненно, все крупнейшие достижения СССР — от беспрецедентной социально-экономической модернизации до более чем сорокалетнего геополитического доминирования на планете — осуществлены руками вчерашних крестьян. Но столь же бесспорно и другое: могильщиком «советского проекта» выступила партийно-советская номенклатура, вышедшая преимущественно из крестьянской среды. Л. Н. Мазур, посвятившая одну из своих работ рассмотрению эволюции сельской бюрократии в советский период, справедливо отмечала своеобразный, сохранявшийся на протяжении десятилетий, «дуализм» этой социальной прослойки. С одной стороны, она была теснее связана с сельским социумом,

более открыта и подотчетна «общественному мнению», с другой — в гораздо большей степени, чем городское чиновничество, подвержена влиянию патриархальных, авторитарных тенденций. Не случайно «руководители колхозов и совхозов ... нередко чувствовали и вели себя как помещики в своих владениях» [12, с. 156]. Пессимистический взгляд на советскую перспективу был свойственен и М. Веберу. Ни Февральскую, ни тем более Октябрьскую революцию 1917 года он не принял. Если первая была им охарактеризована как псевдodemократический переворот, установивший «господство бюрократии и офицерского корпуса» [14, с. 408], то вторая — как бунт деклассированных элементов, обреченный в конечном счете на «чисто военную диктатуру, и при этом не диктатуру генералов, а диктатуру капралов» [6, с. 91]. Важное методологическое значение в этой связи имеет состоявшаяся в самом начале 1917 года заочная полемика Ленина с Вебером относительно движущих сил и итогов первой русской революции 1905–1907 годов. Назвав веберовское толкование революционных событий «нелепой словесной уверткой», Ленин подчеркивал, что вместо конкретно-исторического анализа соотношения классов и социальных групп, базирующегося на статистических и иных эмпирических данных, «“высокоученый” господин профессор» [11, т. 30, с. 324] смог воздвигнуть лишь очередную умозрительную теоретическую конструкцию. По мнению некоторых современных авторов, веберовская метатеория вообще не приспособлена «для эмпирических социологических исследований социальной структуры» [16, с. 181–182].

Выводы. Обобщая результаты нашего исследования, необходимо отметить влияние длящегося уже более века противостояния марксистского и веберовского подходов на формирование современного социологического дискурса.

Как М. Вебер в построении своей концепции бюрократии не миновал формулы Маркса о бюрократическом управлении при капитализме в соответствии с точным планом государственной централизации как на фабрике, так и творческий марксизм не мог не принимать во внимание ряда положений и выводов «понимающей социологии». Все это вполне уклады-

ваются в нынешние представления о полипарадигмальности социологического знания.

Российское чиновничество конца XIX — начала XX веков, имеющее ряд черт «патримониальной бюрократии», все же не поддается веберовской типологизации. Теория и методология Вебера, не применимые для эмпирических исследований социальной структуры общества, также не способны объяснить возникновение и дальнейшую трансформацию советской бюрократии.

В.И. Ленин стал одним из тех немногих российских мыслителей, кто, рассматривая конкретный исторический материал через призму марксистского анализа, давал собственное оригинальное истолкование этого социального феномена. Ленинские взгляды на бюрократию не были статичными. За три десятилетия они претерпели заметную эволюцию — от фактического совпадения с веберизмом до формирования альтернативной ему социолого-управленческой концепции, своеобразно сочетающей марксизм с элементами тэйлоризма.

При этом Ленин не стремился подвести реальный социальный феномен под некие «идеальные типы», хотя и считал отечественное чиновничество разновидностью бюрократии вообще. В то же время он выделил целый ряд его отличительных черт, определил социально-историческую роль. Более того, у Ленина можно обнаружить основы социологического анализа стремительно формирующейся советской номенклатуры. В целом ленинизм, понимаемый в данном случае не как идейно-политическая доктрина, а как научная концепция, знаменовал существенный шаг вперед на пути преодоления двух крайностей современного ему общественно-научного знания: как абстрактно-теоретизирования, так и узкого эмпиризма.

Научно-теоретическая и в особенности практическая деятельность Ленина представляется нам попыткой вывести российское общество из «лабиринта» веками складывавшихся институциональных матриц, придать стране новый импульс развития, радикально модернизировать всю систему государственного управления на принципах инклюзивности, научной обоснованности, экономичности и эффективности — соответствия не интересам бюрократии, а реальным социальным потребностям.

Список источников

1. Валиев Р.Г., Горбачев И.Г. Бюрократия и бюрократизм (политико-правовые аспекты). Казань: Издательство Казанского государственного университета, 2008. С. 34.
2. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4-х т. Т. 4. М.: Дом Высшей школы экономики, 2017. 544 с.
3. Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность: Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М.: КомКнига, 2006. 367 с.
4. Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. Проблема бюрократии у Макса Вебера // Вопросы философии. 1991. №3. С. 174–182.
5. Давыдов Ю.Н. Вебер и Ленин: кто прав? // Диалог. 1991. №15. С. 53–60.
6. Дмитриев Т.А. Русская революция как опытное опровержение социализма: версия Макса Вебера // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. №3. С. 87–110.
7. Ерощкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты: (первая половина XIX века). М.: Мысль, 1981. С. 66.
8. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
9. Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М.: Алгоритм, 2005. С. 80.
10. Ларин Ю. Советская деревня. М.: Экономическая жизнь, 1925. С. 32.
11. Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. М.: Издательство политической литературы, 1967–1975.
12. Мазур Л.Н. Особенности эволюции сельской бюрократии в Советской России // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2015. Т. 17. №2(139). С. 146–159.
13. Ольминский М.С. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. М.-Л.: Государственное издательство, 1925. 222 с.
14. Рожков В.П. Субъект власти в концепциях революций В.И. Ленина и М. Вебера: историко-философский аспект // Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2017. Т. 17. Вып. 4. С. 405–409.
15. Сорокин П.А. Социология революции / Сост. В.В. Сапов. М.: РОССПЭН, 2010. С. 271.

16. Тихонова Н.Е. Социальная структура России: Теории и реальность. М.: Новый хронограф: Институт социологии РАН, 2014. 408 с.

17. Чевтаева Н.Г. Социология чиновничества в России: дореволюционное наследие // Мир России. 2009. №3. С. 85–113.

References

1. Valiev R.G., Gorbachev I.G. Bjuokratija i bjuokratizm (politiko-pravovye aspekty) [Bureaucracy and bureaucracy (political and legal aspects)]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. P. 34. (In Russ.).

2. Veber M. Hozjajstvo i obshhestvo: ocherki ponimajushhej sociologii. V 4-h t. [Economy and society: essays of understanding sociology. In 4 vol.]. Vol. 4. Moscow: Dom Vyshey shkoly jekonomiki, 2017. 544 p. (In Russ.).

3. Gajdenko P.P., Davydov Ju. N. Istorija i racional'nost': Sociologija Maksa Vebera i veberovskij renessans [History and rationality: Max Weber's Sociology and the Weber Renaissance]. Moscow: KomKniga, 2006. 367 p. (In Russ.).

4. Gajdenko P.P., Davydov Ju.N. Problema bjuokratii u Maksa Vebera [The problem of bureaucracy in Max Weber]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 1991; (3): 174–182. (In Russ.).

5. Davydov Ju. N. Veber i Lenin: kto prav? [Weber and Lenin: who is right?]. *Dialog*. 1991; (15): 53–60. (In Russ.).

6. Dmitriev T.A. Russkaja revoljucija kak opytное oproverzhenie socializma: versija Maksa Vebera [The Russian Revolution as an experimental refutation of socialism: Max Weber's version]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. 2017; 16(3): 87–110. (In Russ.).

7. Eroshkin N.P. Krepostnicheskoe samodержavie i ego politicheskie instituty: (pervaja polovina XIX veka) [Serfdom autocracy and its political institutions: (the first half of the XIX century)]. Moscow: Mysl', 1981. P. 66. (In Russ.).

8. Zajonchkovskij P.A. Pravitel'stvennyj aparat samodержavnoj Rossii v XIX v. [The government apparatus of autocratic Russia in the XIX century]. Moscow: Mysl', 1978. 288 p. (In Russ.).

9. Kagarlickij B. Ju. Marksizm: ne rekomendovano dlja obuchenija [Marxism: not recommended for training]. Moscow: Algoritm, 2005. P. 80. (In Russ.).

10. Larin Ju. Sovetskaja derevnja [The Soviet village]. Moscow: Jekonomicheskaja zhizn', 1925. P. 32. (In Russ.).

11. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. v 55 t. [Full collection of works in 55 vol.]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1967–1975. (In Russ.).

12. Mazur L.N. Osobennosti jevoljucii sel'skoj bjuokratii v Sovetskoj Rossii. Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 2 [Features of the evolution of rural bureaucracy in Soviet Russia. Proceedings of the Ural Federal University. Series 2]. *Gumanitarnye nauki* [Humanities]. 2015; 17(2(139)): 146–159. (In Russ.).

13. Ol'minskij M. S. Gosudarstvo, bjuokratija i absoljutizm v istorii Rossii [The state, bureaucracy and absolutism in the history of Russia]. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925. 222 p. (In Russ.).

14. Rozhkov V.P. Sub'ekt vlasti v koncepcijah revoljucij V.I. Lenina i M. Vebera: istoriko-filosofskij aspekt [The subject of power in the concepts of revolutions of V.I. Lenin and M. Weber: historical and philosophical aspect]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija «Filosofija. Psihologija. Pedagogika»* [News of Saratov University. The series «Philosophy. Psychology. Pedagogy»]. 2017; 17(4): 405–409. (In Russ.).

15. Sorokin P.A. Sociologija revoljucii [Sociology of Revolution]. Sost. V.V. Sapov. Moscow: ROSSPJeN, 2010. P. 271. (In Russ.).

16. Tihonova N.E. Social'naja struktura Rossii: Teorii i real'nost' [The social structure of Russia: Theories and Reality]. Moscow: Novyj hronograf: Institut sociologii RAN, 2014. 408 p. (In Russ.).

17. Chevtaeva N.G. Sociologija chinovnichestva v Rossii: dorevoljucionnoe nasledie [Sociology of Officialdom in Russia: pre-revolutionary legacy]. *Mir Rossii* [The world of Russia]. 2009; (3): 85–113. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 22.01.2021; одобрена после рецензирования 27.11.2021; принята к публикации 08.12.2021.

The article was submitted on 22.11.2021; approved after reviewing on 27.11.2021; accepted for publication on 08.12.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Макаров Игорь Николаевич — старший научный сотрудник Российской академии кадрового обеспечения агропромышленного комплекса.

Россия, г. Москва, ул. Оренбургская, 15б

Igor N. Makarov — Senior Researcher, Russian Academy of Personnel Support of the Agro-industrial Complex.

15b Orenburgskaya st., Moscow, Russia
